



СУЩНОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

П. РАИЛЯН,

судья Конституционного суда Республики Молдова

SUMMARY

Dans un Etat de droit épée de la Femida est dirigée non seulement contre l'homme, mais et contre l'Etat, en meme temps, sur son balance ont placé non seulement des delictes du citoyens, mais et des actes illégaux des institutions du pouvoir d'Etat, son bouclier ainsi protejer tout les sujet de droit.

* * *

В правовом государстве меч Фемиды направлен не только на человека, но и на государство, и на ее весы ложатся не только правонарушения граждан, но и неправомерные действия или акты органов государственной власти; ее щит в равной мере защищает всех субъектов права.

Социальная природа суда предопределяется наличием общественной потребности в разрешении конфликтов, вызванных столкновением противостоящих интересов членов общества [3, с. 34]. Эта социальная функция существовала всегда, ибо она необходима в любом сообществе (коллективе) людей как деятельность третьей стороны, непредвзято и авторитетно разбирающей спор, справедливо разрубаящей "гордиев узел". Суд своей деятельностью призван вносить умиротворение, снимая напряженность и конфронтацию. Правосудие имеет "стабилизирующую, созидательную и умиротворяющую силу". В этом смысле суд, конечно, "явление внеисторическое".

правовых начал, основным критерием осознания и восприятия (точнее, рецепции) конкретным социумом ценностей существования неотъемлемых прав и свобод человека, правового государства, разделения властей.

Если основная социальная задача суда состоит в разрешении общественного конфликта в любой из возможных форм: конфликт человек против человека, человек против государства, государство против человека, то *его социальная функция* - осуществление от имени государства социального контроля в механизме разделения властей, с одной стороны, и за социально значимым поведением конкретного субъекта права, с другой стороны [1, с. 11].

Однако так было далеко не всегда. В древности функцию правосудия осуществляли фараоны, императоры, цари, короли. Судебные решения выносились их именем. Они сами разрешали наиболее важные дела и были надзорной инстанцией для подчиненных и покорных им судей (некоторые исключения из этих порядков наблюдались в Древ-

Соответственно, у истоков государства стоит образ Фемиды – богини правосудия – с повязкой на глазах, мечом и весами в руках, опирающейся на широкий щит, богини, олицетворяющей единение права и силы, внушающей мысль о том, что охраняемый ею порядок обязательен для всех, защита предоставляется каждому, чьи права нарушены, а наказание за такие нарушения – неотвратимо. Этот образ давно воспринимается как символ справедливости не только суда, но и демократического государства в целом, поскольку суд призван решать от имени государства задачу охраны (еще не нарушенных) и защиты (уже нарушенных) прав и свобод каж-

дого члена общества от любого проявления произвола, исходящего как от других граждан, так и от самого государства или его органов. Иными словами, суд признается специализированным государственным органом, осуществляющим функцию социального контроля при наличии конфликта между отдельными членами общества, между ними и государством, конфликта, возникающего в любой сфере жизни и деятельности человека, урегулированной правом.

Именно поэтому место суда в государственной организации, его роль в обществе в целом традиционно рассматривается в современном мире как наиболее точный показатель развитости



ней Греции и Древнем Риме). Соответственно, социальные задачи и функции суда в государствах, построенных на принципе моновластия или единовластия (в религиозных и абсолютных монархиях, социалистических и сословных республиках и т.п.), являются принципиально иными. Суд был лишь инструментом в руках самодержавных правителей, которым наряду с правосудием принадлежала законодательная и исполнительная власть. Таким образом, все функции государственной власти были соединены в одном лице, и о самостоятельной и независимой судебной власти не могло быть и речи.

В этих государствах задача суда – охрана существующего правопорядка, который в свою очередь воспринимается только как основанный на законе (или ином базовом источнике права), порожденном государством. Функцию суда в таком государстве, так же как и функцию правоохранительных органов (прокуратура, следствие, органы юстиции), составляет именно государственное принуждение в отношении субъектов права, не исполняющих властное предписание. В таком государстве суд, естественно, воспринимается как один из ряда правоохранительных или репрессивных органов (причем далеко не самый значимый), защищающих и активно проводящих политику государства, его глобальные и конкретные интересы. Правовая природа такого суда диктует его организацион-

ную структуру, статус носителей полномочий. Суд строится на общих для таких государств принципах централизации, подчинения и подотчетности нижестоящих органов вышестоящим, неразличения статусов служащего правоохранительного и судебного органа, включая вопросы их ответственности и т.п. [1, с. 12]

По этой причине в сознание людей закрепилось представление о суде как о репрессивном органе, призванном применять санкции, карать, и чем строже – тем лучше; закрепился образ суда-полицейского, суда-палача.

В правовом государстве суду отводится совсем другая роль: он осуществляет социальный контроль над законностью методов борьбы с преступностью, другими правонарушениями, защищает граждан от произвола и беззакония.

Говоря о судебной власти, следует отметить, что на эмпирическом уровне в государственно-организованном обществе это власть предстает в виде системы органов (должностных лиц), разрешающих юридически значимые споры (т. е. те споры, которые могут быть разрешены на основе государственно-признаваемых правил) и официально санкционирующих возможность применения государственного насилия.

Такого рода органы (должностные лица) существовали и существуют в любой из форм организации государственной власти. Но как отмечает И. Б. Михайловская [6, с. 13] само по

себе наличие судов, а также тех или иных правил разрешения возникающих в обществе конфликтов еще не свидетельствует о наличии феномена судебной власти. Другими словами, система судебных органов и судебная власть – понятия не тождественные. Судебная власть невозможна без судебной системы, однако наличие системы судебных органов еще не говорит о том, что в данном государстве есть судебная власть. Внешнее сходство этих социальных феноменов усиливается тем обстоятельством, что и при наличии, и при отсутствии судебной власти решения судов носят обязательный характер и их исполнение обеспечивается всей мощью государственной машины. Наконец, и это весьма важно, даже теоретическое допущение существования судебной власти как чего-то отличного от одной из функций, реализуемых органами государства, предполагает делимость государственной власти.

В этом смысле Е. Б. Аброимова [1, с. 12] отмечает, что с момента обособления суда от системы исполнительных органов, приобретения им институциональной и организационной независимости можно говорить о судебной власти, а не о суде. Это возможно только в государствах, признающих в качестве фундаментальной основы конституционного строя или порядка принцип разделения властей.

В то же время, судебная власть возникает и утверждает-ся лишь тогда, когда граждан-



ское общество находит в себе силы противостоять тирании, бюрократии и создать институты, защищающие права человека. Становление судебной власти - результат самоограничения государства, допускающего контроль над собой со стороны независимого и могущественного органа – суда [6, с. 4].

Существование судебной власти, наряду с законодательной и исполнительной, является обязательным признаком демократического государства. Обособление судебной власти от иных государственно-властных структур свидетельствует о серьезном продвижении государств к реализации принципа верховенства права, закрепляемых в нем идей свободы и справедливости. В таких государствах основное назначение судебной власти – охрана членов общества от любого произвола граждан и от неправильных действий самого государства, его органов, должностных лиц. Без осуществления подобной деятельности государство не может считаться правовым [2, с. 17].

Исходя из этого, судебная власть представляется как политический и правовой феномен, который отражает стремление к формированию правового государства, основанного на доктрине разделения властей [5, с. 7].

Соответственно, можно констатировать, что судебная власть возможна и эффективна лишь в контексте теории разделения властей, исключающей излишнюю концентрацию власти и

гарантирующей гражданам подлинную свободу.

Обеспечивая разрешение возникающих в обществе конфликтов на основе права, подчинение закону всех субъектов общественной жизни, судебная власть играет крайне важную роль в сдерживании и ограничении законодательной и исполнительной ветвей власти, осуществлении правового контроля над их деятельностью.

Трансформация судебной системы в судебную власть предполагает наличие условий относительно автономного ее функционирования. В то же время «автономность» судебной власти может быть только относительной, поскольку она не существует изолированно от других властей. Соответственно, круг конфликтов, разрешаемых судом, очерчивается законом (т. е. решениями законодательной власти), реализация общеобязательной силы судебных решений требует в значительном числе случаев определенных действий органов исполнительной власти.

Это обстоятельство побуждает искать критерий, отличающий сущность судебной власти от простого функционирования судебной системы.

Отсутствие каких-либо иных ориентиров, кроме действующего законодательства, фактически ставит суд в один ряд с органами исполнительной власти, делая его равно подчиненным господству законодателя. Во времена Монтескье, да и в более поздние историче-

ские периоды такой подход к судебной власти был оправдан существованием абсолютных монархий. Однако когда они исчезли или трансформировались в конституционные, а тоталитарные государства «выпали» из естественного процесса развития западной цивилизации, вопрос о возможностях судебной власти ограничивать произвол законодателя потребовал не только теоретических изысканий, но и институционально-юридической основы.

Такую основу составляют два компонента [6, с. 19-20].

Во-первых, это ратификация государствами международных актов, закрепляющих обязательный минимум прав и свобод личности, что ставит эти акты на вершину иерархии источников права. Соответственно, суды обязаны при реализации правосудия соблюдать в первую очередь эти правовые акты.

Во-вторых, это появление у судов новой, не известной Монтескье и его современникам функции конституционного контроля, в силу которой судебная власть обрела право фактически аннулировать действие законов и иных нормативных актов если они противоречат конституции. Как отмечает Р. З. Лившиц [4, с. 7], «предоставление судам права признавать недействительными и отменять нормы органов власти и управления кардинально меняет роль суда. Он перестал быть органом разрешения индивидуальных споров, его компетенция распространяется на нормотворчество...».



Конечно, в этом смысле судебная власть Республики Молдовы отличается от судебной власти Российской Федерации. В соответствии с Конституции Республики Молдовы Конституционный суд не входит в систему судебной власти и, исходя из этого, не можем утверждать, что наша судебная власть вправе аннулировать действие законов и иных нормативных актов в силу их противоречия конституции. Но даже и при таких обстоятельствах наша судебная власть имеет право не применять законы в процессе реализации правосудия если они противоречат Конституции. Судебные инстанции могут (через Высшую судебную палату) обращаться с запросом в Конституционный суд по вопросу о конституционности юридических актов.

Соответственно, можно констатировать, что судебная власть Республики Молдовы имеет право инициировать конституционный контроль законов, что тоже является существенным признаком того, что она способна ограничить законодательную власть, таким образом, способствуя осуществлению системы «сдержек и противовесов».

Несмотря на эти и другие отличия, с нашей точки зрения, права Е. Б. Абросимова [1, с. 13], когда утверждает, что в условиях правового государства и реализации принципа разделения властей суд, кроме *полномочия осуществления правосудия* неизбежно обладает двумя другими фундаментальными полномочиями:

-полномочиями судебного административного контроля или разрешения административных дел, то есть дел о незаконности деятельности органов исполнительной власти, и

-полномочиями судебного конституционного контроля или разрешения конституционных дел, то есть дел о неконституционности, во-первых, деятельности законодателя, и, во-вторых, исполнителя.

В этом контексте особо важной представляется идея И. Б. Михайловской [6, с. 17], которая отмечает, что судебная система становится судебной властью тогда, когда она наделяется определенными возможностями воздействия на другие ветви власти, «включается» в систему сдержек и противовесов, препятствующих узурпации всей государственной власти какой-либо из ее ветвей.

В дополнение автор подчеркивает, что о судебной власти можно говорить только тогда, когда суд наделен полномочиями, дающими ему возможность реально защищать «территорию свободы» личности от вторжения и законодательной, и исполнительной властей.

Исходя из изложенного, можно констатировать, что в правовом государстве меч Фемиды направлен не только на человека, но и на государство, и на ее весы ложатся не только правонарушения граждан, но и неправомерные действия или акты органов государственной власти, ее щит в равной мере защищает всех субъектов права.

Литература:

1. Абросимова Е.Б. *Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы*. М.: Институт права и публичной политики, 2002.
2. Безнасюк А. С., Рустамов Х. У. *Судебная власть: Учебник для вузов*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и Право, 2002.
3. Карпов Д. В. *Социально-правовая природа судебной власти*. // *Вестник Нижегородского Государственного Университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия Право. 2005, № 2.
4. Лившиц Р. З. *Судебная практика как источник права* // В сб.: *Судебная практика как источник права*. М., 1997.
5. Савицкий В. М. *Организация судебной власти в Российской Федерации*. Москва, 1996.
6. *Судебная власть*. Под ред. И. Л. Петрухина. Москва: ООО «ТК Велби», 2003.